

Все беды в России — от бедности. В ней же крылась и причина расположения Свердловского районного суда города Н-ва не в отдельном здании, а на первом этаже многоквартирного дома. Атипичная реалья, конечно. Никак уж не эталонный вариант бытия карательной структуры.

Впрочем, какого рожна? Жильцам-то по любому счету было наплевать, что за баталии уголовного или цивилистского характера разыгрываются под ними. Равно и людей в судейских мантиях нимало не тревожили всяческие бытовые разборки «наверху».

И все-таки единожды интересы служителей Фемиды пришли в явное противоречие с деяниями незванного правоведами гостя.

Тем январским вечером хронический алкоголик Леха Ветлушкин, умудренный сорока четырьмя прожитыми годами и четырьмя судимостями, пировал на кухне у Толюхи Крюксина. В совмещавшем учрежденческий и жилищный статусы доме кореш владел убитой «двушкой».

Временно безработным приятелям — а подобные явления упорно стремятся к постоянству — подфартило срубить деньжат. И весьма прилично, по меркам уцепившихся за хвост удачи. Посему разгульная пьянка затянулась вплоть до «выжимания» опустошенных бутылок над стаканом.

Наконец Толюха с трудом растолковал Лехе, что пора бы уж и честь знать. Другок отнюдь не возражал: напялил куртку из кожаменителя и вязаную шапочку с рельефным узором, обернул вокруг тощей шеи почти протершийся на сгибе шарф и шагнул в темень подъезда. Лифт не работал, так что весь путь до первого этажа «хроник» преодолел на полусогнутых, страхуясь за перила.

Пробредая мимо помпезно оформленного подъезда, Ветлушкин, на свою беду, заинтересовался внушительной учрежденческой доской:

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РФ
СВЕРДЛОВСКИЙ РАЙОННЫЙ СУД
города Н-ва

Прочсть крупный, бронзовой краской писанный на стекле текст алкоголик еще сумел и тут же воспылал к начертанному праведным гневом. Дело в том, что по своей судьбе Леха принадлежал к категории воров-неудачников. На тех же кражах несколько раз попадался с поличным. То у выходных дверей обобранного жилья, сгибаясь под тяжестью баулов с облюбованным добром, столкнулся с хозяином квартиры, в прошлом борцом-тяжеловесом. То, уже при попытке сбить на барахолке краденую одежонку и постельное белье, напоролся на хозяйку носильных и «спальных» вещей. Признавшая их женщина враз подняла такой визг, что к месту невероятной

встречи за пять секунд сбежались трое милиционеров. То, удачно подтибрив на пляже элитные часы на цепочке и желая «натуралкой» погасить давний должок, явился с ними к авторитетному Петлюре. Тот добычу заценил, усек гравировку на откидной крышке... «Глаза разуй! Ну ты и накосорезил! Крысятник!» Леха не сразу и врубился, за что столь конкретный наезд. А оказалось — хронометр-то он цапнул у двоюродного брата положенца.

Отбитые почки — это, конечно, не зона, но о себе напоминают чрезвычайно долго.

Пытаясь угнать спортивный велосипед, Ветлушкин от места его парковки тоже далеко не уехал: штанина расклешенных брюк почти сразу угодила в цепь, и Леха завалился на асфальт, в кровь обдирая ладони. Подсочивший хозяин байка сначала отвел душу, щедро наkostenявав беспомощному вору, и лишь только затем вызвал правоохранителей.

Про четвертую судимость, «хулиганку», и вообще вспоминать стыдно.

Однажды среди лета и бела дня в усмерть упившийся Ветлушкин малой скоростью передвигался мимо уличного фонтана. И вдруг вообразил, что попал в баню. Растелешился, залез в воду. А когда подъехавший наряд милиции под смех толпы зевак, сняв форменную обувь и подсучив брючины, стал выводить Леху на сушу, тот, упираясь, громко потребовал, чтобы ему «потерли спинку».

Ее и потерли... Резиновым «демократизатором».

После эксцентричного принародного купанья законная супруга горе-литробольца бесповоротно подала на развод...

И всякий раз степень вины Ветлушкина определял Свердловский районный суд.

Итак, Леха резко вспылал желанием поквитаться за прошедшие в местах отдаленных лучшие годы загубленной жизни и бесстрашно пошел на приступ учрежденческой двери. Несколько раз треснув по ней кулаками, сообразил, что так цели добьется навряд ли, и стал лупить по доскам «бэушными», но еще крепкими лыжными ботинками. Для разнообразия толкался в неодоушевленного врага с разбега — плечом и без разбега — задом... Не в силах противостоять столь решительному натиску, хлипковатая дверь распахнулась: язычок английского замка с хрустом выскочил из разламываемого гнезда.

Ветлушкин ввалился в пустой коридор, задергал дверные ручки: кругом заперто. Тогда Леха предпринял новую кулачно-ботиночную атаку, теперь на судейский кабинет. Справившись еще с одной деревянной преградой, проник в комнату, интуитивно сообразил, где искать выключатель...

Какой, однако, яркий свет! Что ж — приступаем к святому делу: возмездие.

Для почина мститель хрястнул об стену вычурную настольную лампу. Сорвал со стены картину под стеклом, с силой швырнул на пол, осколки добавил ногами. Яростно разодрал в клочья перекидной календарь. Плюнул в мельхиоровую пепельницу, помочился в пластиковую урну с педальной крышкой. Подфутболив ее, принялся молотить о двухтумбовый стол мягким стулом. «Сиделка» долго не поддавалась, Ветлушкин порядком употел, однако ж венскую мебель сокрушил. Крякнув, завалил набор тяжелый «двухтумбовик». Напился из графина, стоявшего на звероподобном черном сейфе, и об него же расколошматил хрустальный сосуд.

Тут карательный порыв внезапно иссяк, и погромщик залег на перекур с дремотой, намереваясь, отоспавшись, продолжить вершение справедливости.

Леха храпел на полу, подсунув под голову выдранное из стула мягкое сиденье. Будьствуя, он, на удивление, так и не заметил, что дверца у массивного сейфа слегка приоткрыта...

Именно к этому времени пожилая сторожиха суда, проживавшая все в том же «совмещенном» доме, окончила плотный ужин — питаться она, в нарушение инст-

рукции, запрещавшей покидать охраняемый объект, предпочитала в более комфортных условиях собственной квартиры — и приготовилась обозначать службу дальше, сиречь спать в подсобке.

Обнаружив раскуроченный вход, женщина быстрехонько возвратилась на родную жилплощадь, заперлась на все замки, решительно сообщила о взломе по телефону 02 и больше из квартиры носа не высунула, пока к зданию суда не подъехал «уазик» со следственно-оперативной группой.

Сотрудники милиции сразу обнаружили то, что, собственно, и должны были обнаружить: взломанные двери, красноречивые следы вендетты, сладко спящего на полу умаявшегося Ветлушкина и незапертый сейф, наполовину заполненный стандартными папками с материалами гражданских дел.

Задержанного отвезли на освидетельствование в наркодиспансер, где врач констатировал сильную степень алкогольного опьянения клиента. А на место ЧП срочно вызвали председателя потерпевшего суда...

Уголовное дело о хулиганстве с проникновением поручили вести молодому следователю, лейтенанту юстиции Юрию Шеленкову. Изучив первоначальные материалы, офицер поехал в изолятор временного содержания (ИВС), где вот уже сутки томился, искренне недоумевая, как это он столь замысловато фраернулся, протрезвевший Ветлушкин.

...Конвоир ввел Леху в комнату для допросов.

— Здравствуйте. Присаживайтесь, — указал Шеленков подозреваемому на стул. — Начнем с анкетных данных. Родился... Учился... Работал... Судимости... Однако, целых четыре. Не многовато ли?

— Да все по пьянке, начальник, — плутовато заюзил и залебезил Ветлушкин. — Все зелье пррроклятое! До скольких разов зарекался: знай меру! Гольй вассер!

— Так и в этот раз — тоже она виновата?

— Зубом отвечаю... — забожился пасынок судьбы. — Через нее и сгорел.

— Понятно. Адвоката нанимать будете?

— На фига? Ведь один хрен — на раз наматаете.

— Эвентуально, — подтвердил Шеленков. Но, поняв, что подследственный «не догоняет», перефразировал: — По всей вероятности. — И официально довел: — Вы подозреваетесь в совершении преступления, предусмотренного статьей 213 Уголовного кодекса Российской Федерации «Хулиганство», часть первая.

— Нет проблем, — хмыкнув, с долей форса изрек Леха.

— Это пока нет, а скоро точно появятся, — не удержался от сарказма Юрий.

— Дело швах, — поспешил перестроиться Ветлушкин на минорный лад.

Следователь сделал паузу, что-то отчеркнул в записях и потребовал:

— Ну, давайте, колитесь, как дошли до жизни эдакой.

— Да какой тут базар, — нехотя начал исповедь дебошир. — Срубил я с Крюком — это Крюксин Толик, мы с ним на вась-вась — капусты. Забухали у него дома козырно, поймали кайф. Ужалились вдогонку — опять зацепило. Передохнули, еще вмазались... Тут водяре и кранты, отгужевались мальчишечки. Ну, я до своей берлоги и почапал. А дальше, в натуре, непонятка. Ломился куда-то в умате, чего-то курочил. Очнулся — песец, уже в гадюшнике чалюсь.

— Однако интересно получается! — хмыкнул Шеленков. — Ну, прямо как в «Бриллиантовой руке»: шел по улице, потерял сознание, очнулся... Только не в гипсе, а в ИВС... Что, последнюю память отшибло, забыл, как сейф вскрывал? — резко переменял следователь тон разговора, перейдя на «ты».

— Не-е, начальник, ты мне чужое не клей! — всполошился Леха. — Такой прицеп на себя брать! Я на медвежатника не обучался! Опять же и струмент здесь нужен хитрый, простой фомич не пляшет, и ласты ловкие...

— А ты потерей памяти не страдаешь? — предположил Юрий.— Может, на основании в «дурку» направить?

— Начальник, сука буду, я нормальный,— быстро ответил Ветлушкин, молитвенно сложив на груди руки.

— Нормальный...— с сомнением повторил следователь.— То в фонтан голяком, теперь в суд вломяком. Вот объясни, чего ты там забыл?

— Сказал же: по пьяни вальты накрыли,— угрюмо проворчал Леха.— Но медведя раскоцал точно не я, мамой клянусь...

Шеленков и сам прекрасно понимал, что лузер, который не смог даже велосипед угнать, навряд ли в состоянии вскрыть монументальный, чуть ли не дореволюционный сейф голыми руками. Да и зачем бы это ему? Тем более на поверку гражданские дела оказались нетронуты, не было и следов «пальчиков» подозреваемого на дверце и замке и на папках с делами. Однако две вышибленные двери и кавардак в кабинете судьи красноречиво свидетельствовали о недружелюбных намерениях поздневечернего визитера.

...Задав ему еще несколько вопросов, Юрий на прощание пообещал:

— Трое суток попаришься, может, до суда и отпустим. Под подписку о невыезде.

— Благодарствую, благодарствую, начальник! — обрадовано зачастил Леха, демонстрируя отвратную улыбку: растерял по зонам большую часть зубов...

Шеленков возвратился в райотдел, в свой кабинет. Только было собрался просмотреть документы по другому делу, как дверь без стука отворилась и на пороге возник розовощекий мужчина лет сорока. В двубортном французском костюме, в красном галстуке с серебряным отливом, в лакированных штиблетах и с кожаной сумочкой, которую в народе малоприлично величают педерасткой.

— Юрий Сергеевич? — напористо поинтересовался розовощекий.

— Предположим...— ответил следователь.— С кем имею честь?

— Дрыгин, Серафим Серафимович, судья третьего класса,— представился гость и, не дожидаясь приглашения, грузно опустился на стул.— Вот... прошу любить и жаловать...

Жестом фокусника он извлек из сумочки визитку, протянул ее Юрию.

Карточка оказалась чрезвычайно впечатляющей. С золотым тиснением-рамочкой. С цветной печатью и цветным же фото владельца. С английским текстом на оборотной стороне. С ламинированным покрытием. А помимо домашнего и служебного телефонов на ней еще красовались номера мобильного и даже дачного аппарата.

«Баков на пять тянет,— прикинул на глаз Юрий.— Однако и доходы у судьи третьего класса...» Вслух же сказал:

— Любить я вообще-то предпочитаю женщин. Так что вас остается только жаловать.

— Кстати,— почти не слушая офицера, тараторил Дрыгин,— не поверите: никогда в жизни еще не бывал в качестве свидетеля...

— Ну так что ж. Как говорится, от тюрьмы да от сумы...— счел возможным еще раз пошутить следователь, который теперь вспомнил, что фамилия Серафима Серафимовича проходит по делу Ветлушкина: бесчинствовал тот именно в его кабинете.

Шеленков придвинул к себе чистый бланк допроса.

— Предупреждаю об уголовной ответственности за отказ, уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных. Распишитесь.

Серафим Серафимович понимающе кивнул, извлек из кармана толстенную многоцветную ручку и поставил королевскую подпись с кучей вензелей.

— Давно в должности? — поинтересовался следователь.

— М-м-м... Шестнадцатый год,— припомнил судья.

— Расскажите, когда вы, в день незаконного проникновения в ваш служебный кабинет, покинули рабочее место? И каким образом вообще узнали об обстоятельствах совершения преступления?

— Все просто,— приосанился Серафим Серафимович.— В тот день у меня заседаний не было — изучал вновь поступившие дела. Кстати, я специализируюсь по гражданскому праву: разводы, разделы имущества, признание сделок недействительными. Так что если вдруг помощь по этой части потребуется...— И приглашающе развел руками: — Милости прошу. Ладно... Точно в восемнадцать ноль-ноль сложил документы в сейф, запер его, опечатал и — домой. Там как раз маленький семейный банкет намечался...

Тут Дрыгин маслено улыбнулся и блаженно прищурил и без того узкие пороссячи глазки.

— А дальше? — прервал приятные воспоминания следователь.

— Известное дело,— продолжил рассказчик, неохотно переходя от воображаемых чревоугодных картин к реалиям опроса.— Отпраздновали... На часах уж полночь, отдыхаем — и вдруг телефон прямо надрывается. Кто бы? Оказывается, сам председатель суда на проводе! Ноги в руки, говорит, и быстро ко мне, а я уже в твоём кабинете стою. Тут какой-то бандюга все двери повышибал и сейф вскрыл. Ваши коллеги, правда, без огрехов сработали,— польстил Серафим Серафимович сотрудникам милиции,— задержали этого идиота с поличным. Что ж, делать нечего, завел машину — у меня БМВ, по случаю удачно прикупил... Приезжаю: мать честная! Сплошной разгром... Стол штучной работы на боку, лампа настольная — редкой красоты, доложу, была, антиквариат,— изуродована безнадежно, графин хрустальный вдребезги, стул венский на дрова раскурочен...— Судья обреченно махнул рукой.— Словом, варвар. Но главная беда: сейф вскрыт, да так искусно, ни грамма не покоружен. Только и радуется, что все дела на месте оказались, я ведь каждую страничку по том пролистал... Вот, собственно, и все, что имею изложить.

— Детали точно помните? Ничего не забыли?

— Обижаете. Как говорится, не первый год замужем,— заявил Дрыгин и фатовато вскинул начинающую лысеть голову.

— А вот обвиняемый утверждает, что к сейфу не притрагивался...

— Ну вот, нашли кому верить! — с обидой воскликнул Серафим Серафимович.— Да на нем пробы ставить негде! Четыре судимости! Это он из личной мести, а документы просто украсть не успел.

— Не понял... Так вы что, знакомы были раньше?

— Без сомнения,— торжествуя подтвердил судья.— Я его с женой разводил. Лет пять назад. Во-он как долго он зло-то в себе таил.

— Поворот, конечно, интересный,— весьма удивился следователь.— Хотя с чего бы это вдруг он лично вам и аж через целую «пятилетку» мстить решил? Да еще столь специфически. Ну, я бы понял, если б он бывшей супруге при встрече чекуху выписал. Чужая семья — потемки,— перефразировал он старинную поговорку.

— Вот вы у него сами и осведомитесь,— посоветовал Дрыгин.— Заодно потом и меня проинформируете.

— Ладно,— согласился Юрий.— Не есть проблема. Но проблема есть: как все-таки задержанный умудрился открыть сейф? Инструментов специальных при нем не обнаружили, да и шнифер из него никакой — так, шелупень приклатненная...

— А это уже ваша обязанность: расследовать и доказать, что и как,— назидательно воздел палец к потолку опрашиваемый.— Да вы его, может, защищаете или как?

— Отнюдь. Просто выяснить кое-что хочу... Ну а не могло быть так, например, что, уходя после работы, вы просто забыли сейф запереть?

— Мне это даже слышать больно! — не на шутку оскорбился Серафим Серафимович.— Запомните: мотив личной мести налицо. Я так прямо вашему начальнику райотдела и подсказал.

«Понятно, откуда ветер дует»,— подумал Шеленков и предложил:

— А давайте мы назначим трасологию по сейфовому замку. И сразу станет ясно и понятно.

— Ерундой занимаетесь, молодой человек,— голосом, зачитывающим решение о высшей мере наказания, произнес судья.— Пустопорожним делом...

Но следователь таки решил и поступил по-своему...

Через неделю Дрыгин вновь объявился в кабинете Шеленкова. Тот поинтересовался у Серафима Серафимовича:

— Вы же сами юридический факультет заканчивали?

— И что из того? Конечно... Заочно.

— Суть трасологической экспертизы представляете?

— Смутно,— честно признался Дрыгин.— Курсовую по криминалистике мне написать помогли, а как предмет сдал — с глаз долой, из сердца вон. Не мой профиль. Да и в чем проблема-то?

Следователь хмыкнул, сильно удивляясь, что познания судьи с пятнадцатилетним стажем работы в области криминалистики почти равны нулю, и придвинул Серафиму Серафимовичу заключение экспертизы.

— Смотрите: среди вопросов, поставленных эксперту: «Имеются ли на механизме замка следы воздействия посторонними предметами, если имеются, то не отпирался ли замок с их помощью?»

— Вижу, не слепой,— сердито высказался Дрыгин и с явным неудовольствием стал осмысливать документ.

«ИССЛЕДОВАНИЕ:

Представленный замок состоит из короба, лицевой планки, ригеля, 4-х сувальд и защелки. Крышка короба соединена с основанием при помощи винтов.

При визуальном осмотре замка микроскопом МБС-10 (увеличение до 24-х), следов воздействия посторонними предметами не обнаружено.

В процессе дальнейшего исследования в рассеянном и направленном освещении установлено, что поверхность боковых частей сувальд в местах контакта с выступами бороздок ключа имеет равномерные, дугообразные, блестящего цвета потертости, что объясняется длительной эксплуатацией замка.

Других следов воздействия на детали механизма не обнаружено.

Вышеописанное дает основание для вывода о том, что представленный на исследование замок исправен, механических повреждений не имеет...»

— Ну и что? — отложив бумагу, непонимающе уставился на следователя судья.

— Ну и как можно проникнуть в запертый сейф, не открывая его замок отмычкой? Или, может, в связи с личным знакомством с гражданином Ветлушкиным сами ему ключи на время передавали?

— Что вы за чушь городите? — раздраженно повысил голос Серафим Серафимович и покраснел.— Обвинять вздумали? Я, между прочим, в городе человек известный! И вашего начальника райотдела прекрасно знаю, и в прокуратуре многих, и в мэрии...

— Весьма признателен за сообщенные сведения,— слегка качнул головой Шеленков, провидя, что хлебнет еще горя с этим, так сказать, открыто-запертым сейфом, но продолжал настаивать: — И все же объясните, пожалуйста, суть волшебного

метода: не взрезаем стальных стен автогеном, не прикасаемся отмычкой к замку... Ключи, веря вашим словам, тоже исключаем. Чудеса, право...

— Никаких чудес,— более спокойно и совсем уж мрачно заявил судья.— Повторю и настаиваю: сейф я запер, опечатал, ключей от него никому не передавал. Ваша же позиция выгораживания мерзавца-рецидивиста меня крайне возмущает, и я незамедлительно поставлю о ней в известность кого следует...

«Врет и еще угрожает»,— констатировал про себя Шеленков и подытожил:

— Это ваше право. Вот пропуск. Вы свободны. До следующей встречи...

Не прощаясь, Дрыгин насупленно-торжественно покинул кабинет. А Юрий, усевшись за компьютер, начал выпечатывать черновик текста представления в областную суд, где высказывал свои небеспочвенные сомнения по поводу искренности судьи третьего класса.

С начальником следственного отделения ОВД Шеленков — по молодости и самоуверенности — свои действия обсуждать и согласовывать нужным не считал. И совсем скоро полной мерой почувствовал прелести жесткого прессинга.

Первым на следователя «наехал» заместитель начальника ОВД по кадрам: придрался к «неуставной прическе», неопрятному — на взгляд подполковника — внешнему виду. И все энергично тыкал в наручные часы, указуя на двухминутное опоздание с обеда, хотя уйти на перерыв Юрию пришлось вообще на двадцать минут позже.

Полчаса спустя начальник криминальной милиции и вовсе уж беспричинно, нахрапом учинил лейтенанту юстиции жесткий разнос: «за полное отсутствие взаимодействия с уголовным розыском, от чего крайне страдает показатель раскрываемости».

Еще чуть позднее молодого офицера срочно вызвали в городскую прокуратуру и долго «вливали» за давнее, когда-то просроченное уголовное дело.

Вернувшись «на землю», Юрий узнал, что его разыскивает начальник ОВД. В кабинет к нему Шеленкову велено было зайти вместе со своим непосредственным начальником, подполковником юстиции Акинфиевым, который по пути в приемную предупредил подчиненного: мол, готовься к торжественной порке. Но от подробностей — за что же именно — принципиально воздержался.

— А вот скажи-ка мне, лейтенант,— хмуро и неспешно начал полковник Ивакаев, не предлагая подчиненным офицерам присесть,— ты как считаешь: мне в этом кабинете в рабочее время действительно заняться нечем? И так день за днем — никаких проблем? Часами мучаюсь: «что бы такого сделать плохого?»

— Я вовсе так не думаю, товарищ полковник,— удивился, если не изумился Юрий столь бессмысленным риторическим вопросам.

— Тогда почему нормально работать мешаешь?

— В каком смысле?

— В прямом! — голос начальника райотдела постепенно набирал силу.— Ты из меня что, личного связиста сделать решил? Из городского УВД трезвонят, прокуратура до самых печенок достает, председатель районного суда предъявы кидает, районная администрация, городская мэрия — табуном обозначились! И даже ФСБ, хотя комитетчики-то до наших мелочей отродясь не опускались. А все по чьей-то гениальной идиотической милости! Да чего там мелочиться! Нынче твоя фамилия аж в самой столице известностью обросла! Поразительная популярность! Неслыханная! И всякому телефонящему, вплоть до куратора нашего областного УВД, я лично и подробно должен докладывать про неведомый мне гребаный сейф, откуда ровным счетом ничегошеньки не украли! С какой радости мне подобные закидоны? Подполковник, я вас спрашиваю: вы чем там, в следствии, на пару с этим дармоедом занимаетесь?

— Кхм... Товарищ полковник, но я ведь вам сегодня подробно докладывал...

— Толку-то с того? Приказываю немедленно форсировать расследование! Перспектива означена. Действуйте! Срок — вчера! А этого бездельника немедленно наказать «строгачом» от моего имени! Объявляю! Все! Оба свободны!

Два взыскания за одни сутки! Просто выговор-то на Шеленкова главный кадровик раньше уже навесил за опоздание и несоблюдение формы одежды.

Юрий постарался было объяснить с Акинфиевым. Однако умудренный многолетней службой в погонной системе старший офицер сразу подковырнул его:

— Слушай, а чего это ты вдруг сейчас советоваться надумал? Ведь когда по делу о проникновении трасологию назначал и следом представление в облсуд запускал, на их же собрата буром пер, мне и словечком не обмолвился. Скромняга, однако. Ты поговорку такую: «рука руку моет» — слышал? Логически-то подумай.

Шеленков напомнил о процессуальной независимости фигуры следователя. Упирая на подтверждение подозрений Дрыгина в неискренности и явном перекалывании им греха собственной забывчивости на чужие плечи.

— Я этого зарвавшегося алкаша вовсе не оправдываю, — отстаивал свою позицию Юрий. — Учинил погром — получи по полной программе. Но по закону. Однако ему из-за подставы жреца Фемиды еще года три тюряги накинута, если, как Ивакаев настаивает, дело с хулиганства на кражу со взломом переквалифицировать. Кстати: поясните, как потенциально закрепить это в документах? Фактические обстоятельства дела без изменений, логических ошибок в разграничении преступлений абсолютно не просматривается. Мотивировка перекалывания? Ведь точно установлено, что подследственный ничего не похищал. Так мне подтасовкой доказательств заниматься прикажете или как?

Начальник следствия Шеленкова слушал, хмуро сжав губы полоской. Потом нехотя разлепил их и озвучил собственную точку зрения:

— Поиски гармоничной жизненной справедливости всегда обоюдоостры. Уже ощутил? Цветочки пока... За все, «независимый» ты наш, всегда приходится платить. Вопрос лишь во времени — сию секунду либо через десятки лет. Тебе вот жребий скоротечный выпал. Еще учти: ты безнадежно не представляешь, на какой толщины дуб, на какого бронтозавра и многоглавого дракона замахнулся...

— Бронтозавра за дачу заведомо ложных показаний самого к уголовной ответственности привлечь надо, — неприязненно заявил молодой следователь.

— Ход твоих мыслей верен, — согласился подполковник. — Потому-то он теперь до конца на своей версии стоять и будет: закрыл, опечатал, ушел, а об ином не в курсе. За незапертый, пусть даже и с гражданскими делами, сейф тоже, знаешь ли, медальки не навесят. А вдобавок к нарушению режима хранения секретных документов еще и хомут ложных показаний на шею надевать? Даже не надейся.

— Да он и без того на него накинута, — возразил Шеленков. — И затянут: заключение-то экспертизы в деле подшито...

— Ох, какой ты еще мальчишка! — рассерженно воскликнул Акинфиев. — Как подшили, так и разошьют. У тебя сейчас о другом голова должна болеть.

— ?..

— Как из грязной истории с наименьшей кровью выйти. Извини, скажу без экивоков: я тебе тут не помощник — до минимальной пенсии два года, как-то бы и дослужить желательно.

— Неужели все настолько плохо? — недоуменно развел руками Юрий. — Ну, кто он такой, Дрыгин? Всего-то лишь какой-то судья третьего класса...

— Всего-то... — самоуверенно-нисходительно выговорил начальник следствия. — Абсолютно ситуацией не владеешь. Главная соль в том, чей он зять.

— И чей же?

— А-а-а... Лучше и не ведай — крепче будешь спать. Так что давай, быстренько дело форсируй — и напрямик в суд зашлем. С обновлением же фактических данных под основание для переквалификации тебе оперативно помогут. Улавливаешь? Да покумекай: нет ли варианта перевестись? Спокойно служить здесь — будь спокоен — тебе ординарно не дадут. Ясно? Тогда иди и жди.

Назавтра, прямо с утра, к лейтенанту юстиции примчался Серафим Серафимович, прямо-таки горевший желанием приобщить к делу дополнительные показания. Мол, из вскрытого Ветлушкиным сейфа в тот приснопамятный вечер исчезли фирменная зажигалка «Ронсон», цейсовские очки и японский диктофон.

— Почему же ни об одной из якобы пропавших после погрома вещей вы раньше даже не упоминали? — допытывался следователь, мигом просчитавший ход сценария дальнейших событий и уберегаясь подставиться под раздачу.— Ага, сначала напрочь запамятовали, а теперь, стало быть, воссоздали доподлинно-точно... Не подскажите ли еще, куда бы похищенному задеваться, если у подозреваемого в кармане даже вши на аркане не усмотрели?

— Упрятал. Умело. А куда именно — вы и ищите. Вам государство за это денежное довольствие начисляет. И весьма немалое,— гнул свое Дрыгин.

Нет, Шеленков так и не принял от негодующего судьи отдающей махровой липой бумаги. Удивительно, но отчего-то никто из руководства вовсе не стал из-за этого вызывать несговорчивого подчиненного «на ковер». Ларчик открылся просто: офицера стремительно оделили очередным измышленным взысканием.

Да какая разница, за что именно его вкатили? В данном случае суть оказалась не в наказании, а в его последствиях: отстранении сотрудника внутренних дел от должности, подготовке материалов на увольнение из органов и перераспределении всех уголовных дел, до того находившихся на исполнении Юрия, меж другими следователями.

В числе прочих у него изъяли и папку с пресловутым материалом о проникновении, откуда моментально испарилось то самое «неудобное» заключение трасологической экспертизы. Зато «пропажу» импортных вещичек из «вскрытого» сейфа законно оформили. Куда именно могли исчезнуть заявленные как украденные предметы, никого почему-то не заинтересовало.

Уголовное дело в пожарном порядке переквалифицировали, и обвинение Ветлушкину предъявили уже по статье Уголовного кодекса РФ 158 «Кража», «с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище». А по части третьей этой статьи, под которую и угодил Леха, если преступление совершено «лицом, ранее два или более раз судимым за хищение либо вымогательство», наказание определяется от пяти до десяти лет.

«Мстителю» и впаяли восемь годков — с конфискацией имущества и возмещением причиненного храму правосудия ущерба.

Услышав приговор, горемыка забился в истерике. Рвал на себе рубаху и заходился в крике: «Псы вонючие! Не бомбил я этот говенный сейф!»

Но криком дело и кончилось, и пошел Леха по этапу — в который уж раз...

Шеленков же, после недолгого единоборства с кадровой службой, был катапультирован на гражданку. С формулировкой «по низким морально-боевым качествам, за систематические нарушения дисциплины и несоответствие занимаемой должности».

И был бы судья третьего класса Дрыгин вновь деятелен и всемерно доволен жизнью, однако в самом непродолжительном времени на голову его посыпались чуть ли не все мыслимые беды и невзгоды.

Сначала у юриста основательно обчистили многокомнатную квартиру, хотя уж ее-то он запирает всегда тщательно. Бесследно угнали тот самый новенький, «прикуп-

ленный по случаю», БМВ. Глубокой ночью дотла сгорела гордость Серафима Серафимовича — капитальная, с декоративными излишествами двухэтажная дача. Наконец, на него самого вечером в собственном подъезде напали какие-то извращенцы: измордовали, раздели донага и привязали к перилам. Примечательно, что ни стильного бумажника натуральной кожи, набитого всевозможной «капустой», ни изумительной красоты часов «Сейко», ни навороченного мобильника с уникальным дизайном отнюдь не похитили, да и модные предметы судейского туалета лишь разбросали по лестничной клетке.

На отчаянные вопли потерпевшего отреагировал кто-то из жильцов: не отпирая дверей, вызвал милицию.

Пока разбирались в ситуации, вершителю правосудия пришлось давать показания в костюме Адама. А уже следующим днем в сети Интернета, причем сразу на нескольких сайтах, было выложено прикольное видео с выставленным на позор, истошно орущим и бешено дергающимся в путах блюстителем законности.

Конфузный случай немало позабавил городскую элиту и напрочь подорвал внутри нее авторитет функционера-карателя. Когда про него теперь заходит разговор, кто-нибудь из собеседников не преминет уточнить: «Это который Дрыгин? Что в своем парадном стриптизером подрабатывал?»

Далее следует саркастический смех.

Компрометирующий ролик к тому же реально сузил Серафиму Серафимовичу поток клиентуры...

Вы спросите: а не стоял ли за всеми злоключениями судьбы третьего класса некий бывший милицкий следователь? Сомнительно. Ведь Шеленков теперь — старший юрист консульт дико процветающего акционерного общества, из самых крутых. Поговаривают, что «крыша» у этого АО — мощнейший преступный синдикат с забугорными связями. Ну да это еще вилами по воде писано.

А вор-неудачник Леха Ветлушкин до сих пор мотает свой по большей части облыжный срок...